

УДК 398+393
ББК 82.3+63.5(4Рос)

«В ГОЛЬЧЕ-ТО У НАС МОГИЛЬНИК»: ДЕТСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ВНЕ ОБЩЕГО КЛАДБИЩА В XX ВЕКЕ (ПРАКТИКИ И НАРРАТИВЫ СЕВЕРНОГО ПРИКАМЬЯ)¹

СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА КОРОЛЁВА

(Пермский государственный национальный исследовательский университет:
Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15)

***Аннотация.** В статье рассматриваются захоронения детей вне обычных действующих кладбищ: в огородах, по обочинам дороги, на берегу реки, в подполье дома. Сведения собраны в 2010-х гг. на территории Коми-Пермяцкого округа Пермского края, в зоне русско-коми-пермяцких контактов. Случаи относятся к советскому времени, 1950–1960-м гг., и могут быть разделены на две группы — в зависимости от явного или тайного характера погребений и отношения к ним местного социума. В первом случае захоронения производятся на специальных детских кладбищах, практика признается допустимой, на могилах проводятся поминальные ритуалы. Во вторую группу попадают случаи погребения новорожденных вдоль дорог и под полом, они совершаются без свидетелей и могут вызывать подозрения в инфантициде. Учет не только этнографической информации, но и лингвистических особенностей записанных текстов позволяет обнаружить, что нарративы о захоронениях в гольце сдвигаются в область слухов, имеют грамматические признаки так называемой проблематической достоверности. Такие истории строятся по фольклоризованным сюжетным моделям — как криминально-бытовые и мифологические рассказы, их героинями оказываются женщины, наделенные чертами социальной маргинальности.*

***Ключевые слова:** похоронно-поминальная обрядность, инфантицид, слухи, криминально-бытовые рассказы, мифологические нарративы.*

Вотдаленных селах и деревнях Северного Прикамья исследователи народной культуры до сих пор фиксируют рассказы о захоронениях новорожденных и маленьких детей вне общих кладбищ. Подобные сведения имеются и в фольклорном архиве филологического факультета ПГНИУ: они собраны в экспедициях Лаборатории культурной и визуальной

антропологии и в ходе учебной практики в 2014–2017 гг.; в полевых исследованиях принимал участие и автор статьи. Краткие упоминания о детских могилах во внеурочных местах записаны у гайнских коми-пермяков. Более развернутые рассказы зафиксированы у жителей Юрлинского района Пермского края. Описанные случаи в основном относятся к советско-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 17–14–59009-ОГН «Фольклорная несказочная проза Северного Прикамья: универсальное, региональное, локальное (на материале записей второй половины XX — начала XXI в.)».

му времени — 1950–1960-м гг. В числе мест, где осуществлялись маргинальные по современным меркам погребальные практики, указываются огороды, обочины дороги, берег реки, домашний подпол. Осмысление имеющегося материала ставит перед исследователем ряд вопросов. Чем объясняются эти случаи — отголосками архаичной традиции или прагматикой Нового времени? Другой аспект касается достоверности записанных рассказов: идет ли в них речь о реальных фактах или мы имеем дело со слухами, т.е. нарративами без действий? Ответам на поставленные вопросы посвящена эта работа.

Упоминания о взрослых и детских захоронениях вне общих кладбищ встречаются в этнографических материалах конца XX — начала XXI в., но количество таких работ невелико. Подборка рассказов, характеризующих традицию русских-горюнов Сумской области (Украина), представлена в публикации С. М. и М. Н. Толстых [Толстая С., Толстая М. 2003]; полесские данные о погребении некрещеных младенцев исследованы Е. Е. Левкиевской [НДП 2012, 225–272]; записи, сделанные на Русском Севере, приводит Е. В. Самойлова [Самойлова 2017, 224–227]. Современные материалы из зоны русско-коми-пермяцкого пограничья углубляют представления о подобных практиках на этапе позднего бытования. Данные из других регионов — важный контекст, помогающий лучше понять случаи, зафиксированные в Северном Прикамье.

Условно легальное погребение: могилы в огородах и детские кладбища. Всё многообразие собранных нами сведений о детских захоронениях вне кладбищ можно разделить две группы — в зависимости от открытого, явного или закрытого, тайного характера погребений и от отношения к ним местного социума. В первом случае о внеурочных детских могилах известно всем жителям, практика признается если и необычной, то вполне допустимой и не вызывает осуждения. Во вторую группу попадают случаи, когда

захоронения совершались тайно, о них известно понаслышке, они кажутся подозрительными, повествования о них выстраиваются по типу криминально-бытовых и мифологических рассказов.

Остановимся на первой группе случаев. Лаконичные упоминания о взрослых и детских могилах вне общего кладбища записаны у коми-пермяков Гайнского района Коми-Пермяцкого округа, в пос. Жемчужный и окрестностях. Часть местных жителей — старообрядцы, уроженцы отдаленных, ныне не существующих деревень, располагавшихся по р. Лупье. Сведения относятся к двум таким деревням: Пурге и Верх-Лупье. По рассказам одной из самых пожилых жительниц, стариков и детей там хоронили в огородах: «*В Верх-Лупье-то в огородах хоронили. В огороды они раньше хоронили-то. Так, видимо, принято было. Умрет, например, ребенок ли, что ли. Или старый. Там хоронили, в огород.* <Соб.: А крест не ставят?> *А ставят, наверное, не знаю*» (Зап. от Анны Ивановны Мизёвой, 1934 г.р. (урож. д. Конопля), д. Сойга. Соб. С. Ю. Королёва, Е. М. Четина. 2014 г.) [ФА ПГНИУ]².

Зафиксированные у лупьинских коми-пермяков сведения не вполне отчетливы — возможно, потому, что деревни эти опустели в 1950–1970-х гг. Детские захоронения упоминаются наряду с другими погребениями в огородах; рассказчики сообщают, что обычай существовал до появления общих кладбищ. Верх-Лупье и Пурга возникли в разное время: д. Верх-Лупье упоминается уже в первой писцовой книге Перми Великой 1579 г., выселок Пурга появляется в списках населенных мест Чердынского уезда в конце XIX в. [Голева и др. 2011, 31–32]. Известно, что захоронения в огородах, садах, на межах полей — обычные крестьянские практики³, предшествовавшие установлению специальных кладбищ за пределами поселений. Новые нормы внедрялись государством с XVIII в., однако на отдаленных территориях старые формы погребений сохранялись на протяжении всего XIX в., а иногда и дольше [Самойлова 2017,

² Все приведенные в статье полевые материалы хранятся в ФА ПГНИУ, далее ссылка на этот архив опускается.

³ Ср.: в источнике середины XIX в. отмечено недавнее появление общих кладбищ у подолян и описана традиция погребения в церковной ораде, «под любимым деревом», просто на поле [Свидницкий 1861, 41].

228–229]. Бытование подобной практики в Верх-Лупье и Пурге может объясняться их удаленностью и обособленностью, что способствовало консервации традиционного уклада, в том числе форм погребения умерших.

Иной обычай зафиксирован в Юрлинском районе Пермского края. Здесь проживают юрлинцы — этнографическая группа русских, окруженная иноэтническими соседями — коми-пермяками. «Островное» положение группы-анклава обусловило формирование локальной традиции, характеризующейся высокой степенью устойчивости и единства [Жуланова 1995, 77, 79–80]. Известно о существовании здесь единичных коми-пермяцких деревень, соседствующих с русскими. На этой территории обнаружены детские кладбища, располагавшиеся прямо в пределах поселений. Одно из них возникло недалеко от границы с Кировской областью, в коми-пермяцкой деревне Шадрино (находящейся в русском окружении, в зоне интенсивного влияния юрлинских и вятских старообрядцев); второе — в противоположном конце района, в леспромхозном поселке Усть-Пышья со смешанным населением.

О детских захоронениях в ныне не существующей д. Шадрина рассказали жительницы соседнего русского пос. Чус. С двумя из них — переселенками из Шадрина — были записаны подробные интервью. Детские могилы располагались в деревне позади огородов: «Кладбище у нас прямо возле этого, детское кладбище, всё ребяток туда хоронили, чё-то раньше много умирало, ребятки-то. <...> На берегу, вот наш, например, огород, и прямо вот вплотную у огорода» (Зап. от Екатерины Веденеевны Шипицыной (ШЕВ), 1955 г.р. (урож. д. Шадрино), пос. Чус. Соб. Е. М. Четина, М. А. Брюханова, О. А. Колегова. 2016 г.); «Маленькие умирало — вот там тоже маленьких и хоронили, видно. <...> Ну, там на берегу оно. <...> <Соб.: Оно в отдалении от

деревни?> Нет, не в отдалении. Тут огороды, а ниже огорода-то тут кладбишишо» (Зап. от Зои Григорьевны Шадриной (ШЗГ), 1939 г.р. (урож. д. Шадрино), пос. Чус. Соб. С. Ю. Королёва, И. И. Русинова. 2016 г.). По сообщению рассказчиц, здесь хоронили детей в возрасте до нескольких месяцев и закапывали выкидыши⁴. В прошлом на могилках стояли кресты, но теперь они обветшали и почти утратились.

В полевых записях нет упоминаний о каких-либо запретах хоронить детей на этом кладбище. По-видимому, местными властями и социумом оно воспринималось как вполне легальное. Осуждение мог вызвать не выбор места, а подозрительные, с точки зрения жителей деревни, случаи смертей — к примеру, несколько мертворожденных младенцев у одной матери: «...там даже вот у одной женщины четверо умерли. Ну говорили, что чё-то она сама делает. Вот уже надо срок родить, он рóдится у нее подгнивший. Старухи-то говорили, что, мол, неохота нянчиться, говорит, что избавляется, мол, от них. Может, и правда, я не знаю, может, ложь?»⁵ (ШЕВ). Несмотря на подозрения, что смерть некоторых младенцев могла быть насильственной, детское кладбище не считалось «опасным» местом. Ходить через него в сумерках — в отличие от «взрослого» кладбища — никто не опасался: «<Соб.: Там ничего не виделось, не мерещилось?> Нет, нет, мы и вечерами там бегали» (ШЕВ).

Представляют интерес мотивы, по которым для похорон выбиралось именно детское кладбище. Одна из собеседниц, потерявшая двухмесячного сына, рассказывает: «Там еще жила я в деревне, там еще жила. И вот мама говорит: “Чё, куды? <...> Кладбишишо-то ведь тут, — говорит. — Тут и похороним”. Там я и похоронила его. <...> Чё, ему два месяца было, чё, в Юрлу везти, что ли, такую даль» (ШЗГ). На решение женщины повлияли местный обычай и мнение матери. Еще одна причина — возраст ребенка:

⁴ Реальный возраст мог быть и больше: в полевых записях встречается упоминание о девочке 6–7 лет (см. далее).

⁵ Слухи часто представляют собой результат столкновения традиционалистски ориентированных групп и сообществ с какими-либо проявлениями модерности [Дубин 2001, 71, 76]. В подозрениях можно увидеть двойную реакцию — на уменьшение детской смертности благодаря развитию медицины, с одной стороны, и на возросшие возможности женщин контролировать рождаемость — с другой.

по меркам деревенского сообщества он был, по-видимому, слишком незначительным, чтобы везти младенца на кладбище в райцентр (более 50 км от деревни). В д. Шадрино не было своего кладбища, поэтому всех умерших хоронили в других местах — не только в Юрле, но и у более близкой д. Никишата (8 км от Шадрина). Однако младенцев не всегда возили и туда, предпочитая хоронить на задах огородов.

Матери, теперь уже пожилые, стараются посещать детское кладбище хотя бы раз в год. В семье Е. В. Шипицыной это принято делать в Семик, причем родные вынуждены делиться на две группы, поскольку им еще необходимо поминать родственников, похороненных в Юрле. З. Г. Шадрина чаще посещает могилу сына «по случаю», совмещая это с бытовыми делами. Однако ко всем визитам она специально готовится: *«Прошлый год тоже поехали по веники-то, я всё забрала с собой. <...> Но, кадьльницу взяла и всё и. Купила то-друго в магазине, конфеты, печенье там. Тут пирожки настряпала ишо луковые. Квас брала с собой тоже»*. Поминки на детском кладбище предшествуют выполнению хозяйственных дел: *«... всё равно вначале надо на это сходить, на могильник, потом веники ломать»*.

Иногда женщины, у которых там похоронены дети, посещают кладбище вместе. Во время поминок они стараются *покадить* — окурить ладаном — все находящиеся поблизости могилы (так жители Юрлинского района поступают и на обычных кладбищах): *«А все, которы попадут рядом, всех какжу»* (ШЗГ); *«Разъехались люди, ребятки-то остались тутто. <...> Вообще, как попадешь <на детское кладбище>, дак всех, какие могилки видно, все покадить. <...> Чё, всех знаем дак»* (ШЕВ).

В ритуальной традиции Юрлинского района сохраняется развернутая вербальная коммуникация с умершими во время посещения кладбищ: к покойным обращаются с вопросами, приглашают на совместную поминальную трапезу, сообщают о своей жизни. Происходит такая коммуникация и на младенческих могилах. О спектре и интенсивности эмоций,

которые испытывают и выражают женщины, можно судить по рассказу З. Г. Шадринной: *«Я говорю: “Куда ты у меня... — этого сына двух месяцев похоронила я, говорю: — куда ты у меня крестик-то девал?”* (Смеется.) *Бургаю. Внук говорит: “Чё ты, бабушка, с кем разговариваешь?” <...> Был крест, деревянный-то. Он уже изгнил да упал. Вот я тожно и бургаю. “С кем ты там разговариваешь, бабушка?” Дак я говорю: “С сыном.”* (Смеется.) *<Соб.: Вы когда кадите там, что говорите?> Ой, а чё скажешь... Ревёшь да говоришь да, вот и... Ну, говорю: “Чё, почему ты умер, жить неохота стало, — да прибираю ему. — Щас бы уж большой был да кого да”, — наговорю, намолвлю, сама реву»*.

Другое детское кладбище обнаружено в отдаленной восточной части Юрлинского района, в пос. Усть-Пышья. Леспромхозный поселок сформировался в конце 1940-х — начале 1950-х гг., население его составили уроженцы соседних русских деревень и коми-пермяцкой д. Булычи, а также многочисленные приезжие (вербованные): татары, украинцы, белорусы, молдаване. Вплоть до 2014 г., когда Усть-Пышья прекратила существование, жители совершали на Троицкой неделе сложные по структуре поминки: после посещения могил родственников, похороненных на булычёвском кладбище, устраивали коллективное поминовение у памятника погибшим в годы Гражданской войны (на братской могиле возле д. Булычи), а вернувшись домой, некоторые женщины шли еще на польское кладбище, к которому прилегают детские могилы⁶.

Появление польского кладбища связано с событиями начала 1940-х гг., когда из западных областей УССР и БССР, с бывших территорий Польши, были насильственно переселены тысячи польских семей. Отправляли их и в современный Пермский край. В 1940 г. в д. Булычи числилось 100 спецпоселенцев, в п. Усть-Пышья — 120, в соседнем пос. Конанов Бор — 150 [Черных, Голева, Шевырин 2009, 168–169]. Во время переселения людям не обеспечивались должные условия, из-за чего часть из них погибла. После объявления амнистии польских граждан Усть-Пышья как спецпоселение опустела.

⁶ Подробнее о фольклорной традиции и поминальном обряде Усть-Пышья см.: [Четина, Колегова 2015; Королева, Четина, Колегова 2015, 135–139].

В начале 1950-х гг. ее начали строить заново — уже как большой леспромхозный поселок; тогда новые жители и обнаружили на своей территории захоронения польских переселенцев, кости которых находили иногда прямо в огородах: *Их <погибших> тут бросили, а потом огороды пахали, черена распахивали, останки находили эти, зарывали потом*» (Зап. от Л. П. Пятковской (ПЛП), 1953 г.р. (урожд. п. Высокий Бор), п. Усть-Пышья. Соб. С. Ю. Королёва, Е. М. Четина, О. А. Колегова, Е. А. Ключикова. 2014 г.).

Часть захоронений оказалась на территории детского сада. В более позднее время тут было похоронено несколько усть-пышьянских детей, чьи родители не могли отвезти их на кладбище в д. Булычи (5 км от Усть-Пышья)⁷: *«Здесь еще детские могилки есть. <...> Когда не на чем везти туда было, вот здесь и похоронили. <Соб.: Так это русские дети были? Их рядом с поляками похоронили?» Нет, дети там <у тропинки>, поляки тут <под деревьями>»* (ПЛП). На момент полевых исследований польское кладбище и примыкавшие к нему детские захоронения выглядели как небольшая группа елей, растущих между частными покосами и огородами. В траве у деревьев просматривалось несколько могильных холмиков. На польском кладбище поминали прежде всего местных детей, обряд был коллективным и включал все традиционные элементы: каждение могил, расстилание скатерти, чтение молитв, обращения к умершим и ритуальную трапезу: *«Там опять ходили только взрослые. Вот здесь люди жили которые, ранешние-то, у них тут дети похоронены. Вот Маруся Харлапенко тут когда-то жила и работала, у нее тут дочь лежала, у садика-то. Вот мы обычно на этой могилке раскладываемся. <...> “Ты ждала нас, мы пришли, тебя проведем, помянем тебя. Помяни, Господи, с молитвой, со крестом”»* (Зап. от Н. А. Федоровой, 1940 г.р. (урожд. д. Мушарино Кудымкарского

р-на), п. Усть-Пышья. Соб. С. Ю. Королёва. 2014 г.). Некоторые рассказывают, что ритуал носил общий характер, так как одновременно с местными детьми поминали и польских спецпоселенцев: *«А сидят-то ведь у поляков на могилках. Просто заугали, что нельзя поляков вспоминать, потому что такое время было. <...> А нам всё равно жалко»* (ПЛП).

Тайные захоронения: подполье и обочина дороги. Иной характер носят рассказы о единичных захоронениях мертворожденных младенцев. В советское время таких детей полагалось хоронить на общем кладбище. В сельской местности сохранялся давний обычай хоронить новорожденных в домашнем подполье (гольбе), однако подобные действия всё больше воспринимались деревенским социумом как нежелательные и неправильные, о чем свидетельствует их негативная оценка рассказчицами.

Начну с ситуации, которую нам довелось наблюдать в пос. Усть-Пышья: вечером в дом, где мы остановились, пришел сосед и пожаловался хозяевам, что боится жить в материнской избе: А.: *«А чего она <нечистая сила> меня в 3 часа ночи погнала. Кошки как замыкали в подполье, у меня не было кошек в ту пору. Миша Пикулев убежал... <...> Живые похоронены, я их ни разу не видел, в доме, где я живу. <...>»*. ПЛП.: *«Как поднялся вой, и тот мужчина побежал, и этот. На другой конец поселка побежали»*. А.: *«Три часа ночи. Ладно, друг у меня, к нему убежал. Невозможно. Как они там, в подполье-то? Господи, я уже и креститься-то начал»* (Зап. от А., муж., пос. Усть-Пышья⁸. Соб. Е. М. Четина, О. А. Колегова, Е. А. Ключикова). Из расспросов выяснилось, что в доме слышатся странные звуки, поскольку, по слухам, в подполье похоронены дети: *«...начинается мярготня. <Соб.: Под полом?» Да, под полом. <...> Он пьющий, может, ему что-то кажется. <...> Мать у него была, отец с Украины был, а мать тоже*

⁷ Погребение вне действующего кладбища, но рядом с уже существующими могилами — один из вариантов детских похорон, допускаемых традицией, ср. другой случай, зафиксированный в Юрлинском р-не: *«...вот в Кормино на старом кладбище, <...> хотя и было новое уже кладбище, хоронили маленького какого-то ребенка у кого-то. <...> Что зимой, видимо, везти далеко было, не на чем было везти,— его хоронили вот на том кладбище на старом»* (Зап. от Елены Викторовны Моисеевой (МЭВ), 1971 г.р., д. Дубровка. Соб. С. Ю. Королёва. 2017 г.).

⁸ Здесь и далее имена некоторых информантов, как и людей, о которых идет речь в их рассказах, по этическим соображениям опущены.

была вятчинская (из д. Вятчина. — С. К.). После войны, как они сошлись с мужем, она родила тройню, три мальчика у нее было. А тогда насчет этого было строго очень, она испугалась, что муж из-за этого не вернется. Бабка-повитуха принимала роды, она его одного оставила, а двоих почти живьем закопали детей. Прямо в голбец. Боялись огласки, она боялась, что не сможет выкормить их, денег нет, время было голодное» (Зап. от Л., жен., 1953 г.р., пос. Усть-Пышья. Соб. Е. М. Четина, С. Ю. Королёва, О. А. Колегова, Е. А. Ключкова. 2014 г.).

Эти нарративы заметно отличаются от воспоминаний о погребении на детских кладбищах, и прежде всего позицией рассказчика⁹. Реально существующая и социально приемлемая практика похорон и поминок может отражаться в рассказах участников о лично пережитом опыте, такая информация обладает очевидными признаками достоверности. Сведения о захоронениях младенцев в голбце фиксируются преимущественно в форме нарратива-пересказа («я слышал»), что сдвигает и саму эту практику, и сообщенные подробности в область слухов, степень достоверности которых не очевидна. В нарративах содержатся и другие языковые средства, сигнализирующие о неполной степени соответствия содержания высказывания реальному положению дел (с точки зрения говорящего): модальные слова типа *видно, видать, наверно, может быть, может*; часть из них указывает на так называемую проблематическую достоверность: *вроде бы, что ли* (в диалектной форме *ли чё ли, ли как ли*). Рассказчицы акцентируют неполную свою осведомленность о конкретных деталях (*а я чё знаю? не знаю, я не слышала* и т.п.), что не мешает им интерпретировать поступки и мотивы участников событий — женщин, которые хоронили в голбце своих детей.

Такие истории выстраиваются обычно в двух направлениях: как криминально-бытовые и/или мифологические рассказы. Для фольклористов интерес представляет вторая группа текстов. Между тем

«криминализация» событий является, по видимому, еще одной традиционной тактикой коллективного осмысления происшествий и оформления их в более-менее устойчивый сюжет, который затем функционирует в локальном социуме в виде слухов. Уже замечено, что между двумя этими типами нарративов нет жесткой границы: былички бытуют в той же среде и передаются по тем же коммуникативным каналам, что и слухи [Горбатов 2009; Осетрова 2015, 81–82]; слабо структурированные толки, молва, сплетни составляют один «жанровый комплекс» с (нео) мифологическими меморатами [Неклюдов 2003, 14] и иногда могут перерастать в фольклорные (устойчивые и воспроизводимые) сюжеты.

Подозрение в инфантициде может провоцироваться выбором уединенного места погребения и отсутствием свидетелей. В Усть-Пышье зафиксировано упоминание, что детей хоронили по обочине дороги (ближайший поселок и больница находились в 20 км): *«У сестры такая же история была. У нее родилась двойня, у сестры, два мальчика — Гришка и Мишка, даже имя дали. Она родила здесь, увезли в больницу, она по дороге похоронила по волоку, он у нее задохнулся, Гришка. Сама она недосмотрела или что, — одного похоронила на кладбище, одного похоронила на волоку, по дороге. <...> Там много детей похоронено на волоку. <...> Кто из больницы вез — не довез <живым>, тащить не хотелось, потому что плохо было с техникой. Тут убиенные разные, может быть, грех остался за ними»* (Зап. от Л., жен., 1953 г.р., пос. Усть-Пышья. Соб. С. Ю. Королёва. 2014 г.).

Если упоминание о погребении у дороги в юрлинских материалах единично, то сведения о захоронении в голбце зафиксированы неоднократно. Почти все они записаны в русской д. Дубровке и окрестностях, где значительная часть населения считает себя старообрядцами, а исследователи отмечают наибольшее число архаичных представлений [Бахматов и др. 2003, 13]. Рассказы без криминальных мотивов показывают, что в прошлом похороны

⁹ В зависимости от статуса рассказчика по отношению к событию лингвист И. Н. Борисова выделяет три модуса текстов: они выстраиваются с позиции участника («я сделал»), свидетеля («я видел») или слушателя («я слышал») [Борисова 2009, 214]; о реализации этих модусов в мифологических нарративах см.: [Черванёва 2017].

мертворожденных и некрещеных детей в голбце были обычной, нормативной деревенской практикой: «Да, слышала такое, что закапывали в голбец. Потому что кладбище-то было как бы далеко, это надо маленькое тело, что его надо хоронить, это надо дорожку делать... И вот <нрзб.> они как бы не были ни крещеные, ни купаные <в купели>, дети-то, вот их и в голбце хоронили. <...> Ну, это, видимо, новорожденные» (МЕВ). Аналогичным образом поступали с выкидышами: «Когда раньше времени рожали, вот таких тоже, я слышала, закапывали в голбец. <Соб.: Выкидыши, да?> Да. Там ведь уже всё равно этот плод» (Зап. от Е., жен., 1971 г.р., д. Дубровка. Соб. С. Ю. Королёва. 2017 г.).

В одном случае захоронение в голбце, как и частое деторождение, местные жительницы объяснили социальной и психологической неполноценностью матери. «Здесь, вот тут соседка была! Рядом жила. Она ее говорила, старушка-та: “В голбце-то у нас могильник, могильник”». М.: «Кто это?» Е.: «Дуська! Дуська рожала их. <...> А я чё знаю? Она это тихо, мертвых, наверное, рожала. <...>» М.: «Чё, будто Дуська рожала и тут их хоронила?» Е.: «Да, тут бо. <Соб.: А почему?> А я чё знаю? Она, может, выкидывала¹⁰ или чё ли их, я чё знаю? <...> А чё, она как-то была маленько это...» М.: «Не того...» Е.: «Маленько была с приветом. <...>» М.: «У нее тоже много было <детей>. Восемь или чё у нее было, тоже много». <Соб.: Это живых?> Е.: «Живых тожно еще были» (Зап. от Е., жен., 1932 г.р., и М., жен., 1938 г.р. (урож. д. Панькова), д. Зарубина. Соб. М. А. Брюханова, А. С. Беломестнова. 2017 г.). Здесь особенно очевидна размытость, неточность сообщаемых сведений. Одна из собеседниц впервые слышит эту историю, что может говорить об относительно закрытом характере подобной информации.

Слухи активнее циркулируют в замкнутых сообществах и прежде всего касаются «значений предписанных ролей и статусов (половых, возрастных, этнических)» [Дубин 2001, 81]. К таким ролям относится и материнство, по-разному оцениваемое деревенским социумом для

замужних и незамужних женщин. В «криминализованных» нарративах сообщается, что в голбце могли заживо хоронить внебрачных детей, чтобы избежать осуждения: «В голбец-то хоронили тех, кого женщина, например, нагуляла. Чтoб никто не видел. Она их рожала и... Ну, наверно, тогда сами уже их что-то делали, что они <дети> умирали. Вот так что и таких вот, чтоб никто не видел. <Соб.: Это по слухам?> Да. Это по слухам. <...> Да даже я, знаете, от мамы слышала, что вот эта вот женщина, наверно, <в> 60-е годы, 50-е — она и то в голбце хоронила в Васьково. Тоже вроде бы нагуливала их. А это же было раньше позорно» (Зап. от Е., жен., 1971 г.р., д. Дубровка. Соб. С. Ю. Королёва. 2017 г.).

Одна из причин, по которой похороны в голбце вызывают негативную оценку современных пожилых женщин, — невозможность поминовения младенцев, в частности каждения их могил, чему в юрлинской традиции придается большое значение. Если раньше считалось, что некрещеных детей помянуть нельзя или не нужно, то сегодня многие наши собеседницы (в том числе старообрядки) считают иначе: <Соб.: А если они некрещеные и вот она похоронила их в голбец, их кадить надо?> <...> М.: «Конечно бы надо. Всё равно человек, душа у ево» (Зап. от М., жен., 1938 г.р., д. Зарубина. Соб. М. А. Брюханова, А. С. Беломестнова. 2017 г.). Показательна история, когда одна из женщин пожаловалась рассказчице, что ей снятся и видятся захороненные в голбце дети, а та посоветовала покадить их могилы ладаном¹¹: «Дак одна у нас в Сулае даже есть эта. Она, наверно, одного или двух ли уродила в голбец-то. <...> Как сказать, похоронила. И это, как во сне видела, ли как ли их. Или оне как ходят, эти дети-то, ли как ли. А ходила она выпивала. Я немного тоже баловалась, спирт продавала. “Налей да налей. Вот чё, слушай, это, я детей... вот дети у мя там”. Я: “Ты почё их туды положила, почё не унесла на кладбишию-то?” Недалёко от ее в тут в Сулае-то совсем, только в гору поднимись — там кладбишию. Я: “Ты хоть их туды положила, ак покади! Путь они нехрешиюные, дак ты их покади всё равно.

¹⁰ Выкидывала — здесь: рожала раньше срока, случались выкидыши.

¹¹ Ср.: галлюцинаторные видения умерших и яркие сны о них связываются в современной психологии с нарушением нормального процесса горевания [Пудиков 2017, 159–161].

<...> *Оне ить, душа ить у их, ты ить их носила у сердца, рожала — и туды*» (Зап. от К., жен., 1942 г.р. (урож. д. Зарубина), д. Васькова. Соб. С. Ю. Королёва. 2017 г.). Рассказчица не склонна к подозрениям, но сама форма погребения кажется ей неприемлемой. Выбор знакомой она оправдывает решением мужа и тем, что дети, возможно, родились зимой: «*Дак оне знамиш, видать, муж-то, видать, знал. Знамиш, видать. “Похорони,— Манька ее звали,— похорони, Манька, тамо в голбец”.* Дак чё. А чё, если зимой. <...> *А если не зимой, дак надо это, хотя бы пешком унесли. Небольшой гробичек сделали, доски, там велик ли ребенок. Досочку вот этта, да по бокам вот эдак, и крышку. И унеси да. Зимой-то, видишь, застывает земляк-та.*»

В историях с похороненными заживо новорожденными возникают мотивы, когда умершие дети дают о себе знать, чем пугают живых: из подполья раздаётся мяуканье кошек, младенцы снятся или видятся их матери. Эти мотивы можно интерпретировать как наказание родителям-детоубийцам, но в них проявляется и характерная для многих восточнославянских региональных традиций демонологизация младенцев, умерших некрещеными [Зеленин 1995, 70–73; Кабакова 1999; Левкиевская 2009; Раденкович 2004, 204–205, 210]. По отношению к юрлинским текстам правильнее говорить именно о тенденции, так как развернутого воплощения эти мотивы не получают. Одновременно фиксируется представление, отражающее влияние христианской традиции, об умерших новорожденных как безгрешных душах: «*Как считают: это ребенок, который родился,— это ангел. Что он еще, у него никаких грехов нету, что это ангелочек маленький. Такое я слышала. Так что поэтому, наверно, никто и не боялся этого <хоронить в голбец>*» (МЕВ). Двойственное отношение к умершим, в том числе некрещеным, детям типично для народной культуры [Кабакова 1999, 87; НДП 2012, 226].

Подполье как место захоронения новорожденных младенцев и выкидышей фигурирует в юрлинских материалах неслучайно. Мы имеем дело со следами некогда распространенного обычая устраивать такие погребения в особых местах: под кучей хвороста, в болоте, на перекрестке дорог, под деревом, на гумне, под забором, под передним углом дома, на чердаке над сенями, под порогом и т.д. [Зеленин 1995, 70–73; НДП 2012, 227–228] — в этом ряду традиционно упоминается и подпол [Левкиевская 2009а, 103]. Но, имея в виду архаичный характер этого локуса в качестве места для похорон младенцев, нужно отметить и его «криминализованность», связанную с судебной практикой XVIII–XIX вв. Когда стало обязательным официально извещать о появлении ребенка, в том числе мертворожденного, деторождение из приватной сферы переходит в область государственного контроля. Гибель маленьких детей становится предметом расследования, при этом мертворожденные едва ли не автоматически вызывают подозрение в убийстве, их тайное захоронение запрещается и влечет за собой дознание¹². Примеры можно обнаружить в «Пермских губернских ведомостях», в разделе о происшествиях: так, в выпуске за 1870 г. сообщается, что в Молёбском заводе Красноуфимского уезда был найден мертвый младенец, рожденный вне брака: «девица» похоронила его в собственной бане под полом. Такая же находка обнаружена в доме «камышловской мещанской вдовы»: по дознанию выяснилось, что младенец родился живым, но вскоре умер, и мать закопала его в погребке [ПГВ 1870/42, 185–186].

Специфические формы захоронения младенцев сформировались и бытовали в условиях частого деторождения и высокой детской смертности¹³. Этнографические факты позволяют поставить вопрос о существовании иного, чем сейчас, ценностно-эмоционального отношения

¹² Статья за лишение жизни «дитя во младенчестве» появилась в «Артикуле воинском» Петра I (1715). В своде законов 1832 г. разделялись преступления против не- и законнорожденных детей, разделялось умерщвление плода в утробе и покушение на жизнь уже рожденного ребенка. В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. появился вариант мертворождения (которое следовало доказать) [Голикова 2014, 272–273].

¹³ В дореволюционной России Пермская губ. занимала по этому показателю первое место [Голикова 2012, 138–139]; к числу особенно неблагоприятных относился Чердынский уезд, куда входил и современный Юрлинский район.

к рождению и гибели младенцев [Рэнсел 1996; Голикова 2017; Коршунков 2018], а также его трансформации с конца XIX в. вплоть до настоящего времени (в связи с развитием медицины и сокращением числа смертей). Описанные юрлинскими рассказчицами случаи захоронений в голбце попадают на время, когда общепринятыми становятся похороны младенцев, в том числе мертворожденных, на общем кладбище. Некоторые женщины считают нужным совершать по ним те же поминальные ритуалы, что и по взрослым. Показательный пример обнаруживается в интервью с рассказчицей, пережившей подобную утрату. Муж и жена дали мертворожденному сыну имя, под которым мать поминает его до сих пор: «Я мертвого родила, дак у меня мужик увез на кладбищицо всё равно. Некрешионный, ничё, чё. <...> <Соб.: А вы его ходили поминать?> Хожу. <Соб.: У него же имени нету.> А его назвали. <Соб.: Когда?> А муж сказал, парень будет — вот как будем звать. Гришкой. <Соб.: Он мертвый родился, но вы его все равно Гришей назвали?> Да. <...> Сейчас-то я мужа какжу, внучек лежит, бабушка лежит, мужик-от лежит, счас сын-то свой лежит. Вот, всех надо кадить» (Зап. от Ксении Демьяновны

Половниковой, 1942 г.р. (урож. д. Зарубина), д. Васькова. Соб. С. Ю. Королёва. 2017 г.).

Зафиксированные в Юрлинском районе детские погребально-поминальные практики встают в ряд специфических ритуалов, известных по другим региональным традициям. Сведений о захоронении по обочинам дорог и в подполье позднее 1960-х гг. не записано, по всей вероятности, в юрлинских деревнях обычай этот сошел на нет. Поминки на детских кладбищах продолжают, однако новых подобных погребений не возникает. Записи показывают, что в область слухов и домыслов сдвигаются в основном сведения о домашних — не афишируемых, в буквальном смысле подпольных — погребениях новорожденных. Былое существование самой практики не вызывает сомнений, однако видно, что на этапе угасания традиции рассказы о ней строятся по фольклоризованным сюжетным моделям. Их героинями оказываются женщины, наделенные чертами маргинальности («гулящие», умственно неполноценные); существующие в их отношении социальные стереотипы также могут быть одной из причин, по которым погребения новорожденных вызывают подозрения и реализуются как криминально-бытовые и мифологические нарративы.

Источники и материалы

ПГВ 1870/42 — Сведения о происшествиях в Пермской губернии, собранные в марте 1870 г. // Пермские губернские ведомости. 1870. № 42. С. 185–186.

ФА ПГНИУ — Фольклорный архив филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

Исследования

Бахматов и др. 2003 — Бахматов А. А., Подюков И. А., Хоробрых С. В., Черных А. В. Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX–XX вв. Кудымкар, 2003.

Борисова 2009 — Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М., 2009.

Голева и др. 2011 — Голева Т. Г., Подюков И. А., Пономарёва Л. Г., Черных А. В. Лупинцы: история, культура, язык: Этнолингвистический сборник. Пермь, 2011.

Голикова 2012 — Голикова С. В. Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.): источниковедческий и методический аспекты. Екатеринбург, 2012.

Голикова 2014 — Голикова С. В. Инфантицид и солдатки (по материалам Екатеринбургского уездного суда XIX в.) // Институты развития демографической системы общества: Сб. матер. V Уральского демографического форума. Екатеринбург, 2014. С. 272–279.

Голикова 2017 — Голикова С. В. Отношение к детской смертности в традиционной культуре русских Урала XVIII — начала XX в. // Уральский исторический вестник. 2017. № 1 (54). С. 59–64.

Горбатов 2009 — Горбатов Д. С. Слухи, сплетни, городские легенды: психологическая природа различий // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 71–79.

Дубин 2001 — Дубин Б. В. Речь, слух, рассказ: трансформации устного в современной культуре // Дубин Б. В. Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М., 2001. С. 70–81.

Жуланова 1995 — Жуланова Н. И. Юрлинцы: русский «остров» или контактная зона? (О музыкальном фольклоре и традиционной культуре русского населения Коми-Пермяцкого автономного округа) // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 6:

Русский фольклор в инокультурном окружении. М., 1995. С. 77–88.

Зеленин 1995 — Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.

Кабакова 1999 — Кабакова Г. И. Дети некрещенные // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2: Д (Давать) — К (Крошки) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. С. 86–88.

Королёва, Четина, Колегова 2015 — Королёва С. Ю., Четина Е. М., Колегова О. А. Локусы памяти в пространстве традиции (почитание братских могил в Юрлинском районе Пермского края) // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. Вып. 3. С. 128–144. URL: http://splr.psu.ru/wp-content/uploads/2015/12/Королёва_Четина_2015.pdf (дата обращения: 12.03.2018).

Коршунков 2018 — Коршунков В. А. Лубяной гробик, забытый в подвале под колокольной: эпизод из провинциальной церковной жизни в России конца XIX века. (В печати.)

Левкиевская 2009 — Левкиевская Е. Е. Полесские поверья о некрещенных детях // Живая старина. 2009. № 4 (64). С. 7–11.

Левкиевская 2009а — Левкиевская Е. Е. Подпол // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2009. С. 103–106.

НДП 2012 — Народная демонология Полесья. Т. 2: Демонологизация умерших людей / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М., 2012.

Неклюдов 2003 — Неклюдов С. Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор / Ред. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М., 2003. С. 5–24.

Осетрова 2015 — Осетрова Е. В. Слухи в парадигме лингвистической генристики // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 80–89.

Пудиков 2017 — Пудиков И. В. Фантомные переживания у матерей погибших военнослужащих // Иллюзорные миры и медиумические практики в пространстве культуры: Тезисы и матер. Всерос. конф. / Сост. и ред. Н. В. Петров, О. Б. Христофорова. М., 2017. С. 159–163. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/2017_ImaginaryUniverses_Proceedings_th.pdf (дата обращения: 12.03.2018).

Раденкович 2004 — Раденкович Л. Названия демонов, ведущие происхождение от детей, умерших до крещения, у славян // *Balkanica XXXIV*. Belgrade, 2004. С. 203–221.

Рэнсел 1996 — Рэнсел Д. «Старые младенцы» в русской деревне // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 106–114.

Самойлова 2017 — Самойлова Е. Огород — мемориальный комплекс: коммеморативный аспект женских земледельческих практик конца XIX — начала XXI века // Человек и событие в исторической памяти. Сыктывкар, 2017. С. 221–234.

Свидницкий 1861 — Свидницкий А. П. Великдень у подолян // Основа. Южно-русский литературно-ученый вестник. 1861. № 11–12. С. 26–71.

Толстая С., Толстая М. 2003 — Толстая С. М., Толстая М. Н. Погребения в саду у «горюнов» Сумской области // Живая старина. 2003. № 2. С. 10–13.

Черванёва 2017 — Черванёва В. А. Границы достоверности мифологического рассказа: делал — видел — слышал — был // Русская речь. 2017. № 5. С. 112–117.

Черных, Голева, Шевырин 2009 — Черных А. В., Голева Т. Г., Шевырин С. А. Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии. СПб., 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Королёва С. Ю. <https://orcid.org/0000-0003-4246-907X>

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Пермского государственного национального исследовательского университета: Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; тел.: +7 (342) 239-63-74; e-mail: petel@yandex.ru

“THERE ARE GRAVES IN OUR CELLAR”: BURIALS OF CHILDREN OUTSIDE COMMON CEMETERIES IN THE 20TH CENTURY (PRACTICES AND NARRATIVES OF NORTHERN KAMA THE RIVER’S BASIN)

SVETLANA YU. KOROLYOVA

(Perm State University: 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russian Federation)

Summary. This article deals with a certain type of funeral and commemorative obit rites, which are connected with burial of children outside the functioning common cemeteries, in special loci. These places are: backyards, river bank, roadsides, cellars in peasant’s houses. Data is registered by the author and her colleagues during their fieldwork trips during the 2010s on the territory of intensive inter-ethnic contacts. Our informants are Komi-Permyak and the Russian people living in Komi-Permyak Circuit of Perm Region. All cases refer to Soviet times, to the 1950s — the 1960s. Variety of cases is divided into two groups — depending on either open, public or closed, secret character of the burial and on the attitude of the local society. In the first case, burials are made into special children’s cemeteries, near gardens, within settlements; all villagers know about this locus, they recognize the practice as permissible and organize commemorative obit rites on this graves. The second group includes burials of newborns at the roadside and under the floor in the houses; there are no witnesses of the burial, and therefore such cases may raise suspicion of an infanticide. The author considers field recordings not only as a source of ethnographic information, but also as a texts with marking linguistic features. Narratives about the burial of newborn children under the floor are shifting into the rumor area. Such texts have grammatical signs of the so-called “problematic veracity”. Such stories are based on folkloric models, they are realized as criminal or / and mythological narratives. The main heroines of these stories are women who have the stigma of social marginalization.

Key words: funeral and commemorative obit rites, infanticide, rumors, mythological narrative.

Acknowledgements. This paper is financially supported by grant of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of Perm Region, project No. 17–14–59009 “Folklore oral stories of Northern Kama the river’s basin: universal, regional, local (based on the texts of the second half of the 20th — the early 21st century)”.

References

- Bakhmatov A. A., Podyukov I. A., Khorobrykh S. V., Chernykh A. V.** (2003). Yurlinskiy kray. Traditsionnaya kul’tura russkikh kontsa XIX–XX vv. [Yurla area. Traditional Russian culture of the late 19th — the 20th centuries]. Kudymkar. In Russian.
- Borisova I. N.** (2009) Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika [Russian oral dialogue: structure and dynamics]. Moscow. In Russian.
- Chernykh A. V., Goleva T. G., Shevyrin S. A.** (2009) Polyaki v Permskom krae: Ocherki istorii i etnografii [Polanders in Perm region: Essays on history and ethnography]. St. Petersburg. In Russian.
- Chervaneva V. A.** (2017) Granitsy dostovernosti mifologicheskogo rasskaza: delal — videl — slyshal — byl [Veracity limits of oral mythological narratives: done — seen — heard — happened]. *Russkaya rech’* [Russian speech]. 2017. No. 5. Pp. 112–117. In Russian.
- Dubin B. V.** (2001) Rech’, slukh, rasskaz: transformatsii ustnogo v sovremennoy kul’ture [Speech, rumor, story: the transformation of the oral in contemporary culture]. In: Slovo — pis’mo — literatura: Ocherki po sotsiologii sovremennoy kul’tury [Word — writing — literature: Essays on sociology of contemporary culture]. Moscow. Pp. 70–81. In Russian.
- Goleva T. G., Podyukov I. A., Ponomaryova L. G., Chernykh A. V.** (2011) Lup’intsy: istoriya, kul’tura, yazyk. Etnolingvisticheskiy sbornik [Lupya residents: history, culture, language. Ethno-linguistic collection]. Perm. In Russian.
- Golikova S. V.** (2012) Detskaya smertnost’ v Permskoy gubernii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.): istochnikovedcheskiy i metodicheskiy aspekt [Child mortality in Perm province (second half of the 19th — the early 20th century): source-study and methodological aspects]. Ekaterinburg. In Russian.
- Golikova S. V.** (2014) Infantitsid i soldatki (po materialam Ekaterinburgskogo uezdnoy suda XIX veka) [Infanticide and soldiers’ wives (based on the materials of the Yekaterinburg county court of 19th century)]. In: Instituty razvitiya demograficheskoy sistemy obshchestva [Institutes for development of the social demographic system]. Ekaterinburg. Pp. 272–279. In Russian.
- Golikova S. V.** (2017) Otnoshenie k detskoj smertnosti v traditsionnoy kul’ture russkikh Urala XVIII — nachala XX v. [Attitudes towards child mortality in the traditional culture of the Ural’s

Russians in the late 18th — the early 20th centuries]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal]. 2017. No. 1. Pp. 59–64.

Gorbatov D. S. (2009) Slukhi, spletni, gorodskie legendy: psikhologicheskaya priroda razlichiy [Rumors, gossip, urban legends: psychological differences]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. 2009. No. 4. Pp. 71–79. In Russian.

Kabakova G. I. (1999) Deti nekreshchenye [Unbaptized children]. In: *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'* [Slavic antiquities. Ethno-linguistic dictionary]. In 5 vol. Vol. 2. Moscow. Pp. 86–88. In Russian.

Koroleva S. Yu., Chetina E. M., Kolegova O. A. (2015). Lokusy pamyati v prostranstve traditsii (pochitanie bratskikh mogil v Yurlinskom rayone Permskogo kraja) [The loci of memory in the space of tradition (Rituals and narratives related to mass graves in Yurla district of Perm region)]. *Sotsio- i psikholingvističeskije issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic studies]. 2015. No. 3. Pp. 128–144. URL: http://splr.psu.ru/wp-content/uploads/2015/12/Королева_Четина_2015.pdf (retrieved: 12.03.2018). In Russian.

Korshunkov V. A. (2018) Lubyanyy grobik, zabytyy v podvale pod kolokol'ney: epizod iz provintsial'noy tserkovnoy zhizni v Rossii kontsa XIX veka [A small bast-fibered coffin forgotten in the basement under the bell tower: an episode of provincial church life in Russia in the late 19th century]. In Russian. (Submitted for publication.)

Levkievskaya E. E. (2009) Poleskie pover'ya o nekreshchenykh detyakh [Beliefs about unbaptized children in Polesie]. *Zhivaya starina* [Alive antiquity]. 2009. No. 4. Pp. 7–11. In Russian.

Levkievskaya E. E. (2009a) Podpol [A cellar]. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'* [Slavic antiquities. Ethno-linguistic dictionary]. In 5 vol. Vol. 4. Moscow. Pp. 103–106. In Russian.

Neklyudov S. Yu. (2003) Fol'klor sovremenno-go goroda [Folklore of the contemporary city]. In: *Sovremennyy gorodskoy fol'klor* [Contemporary urban folklore]. Moscow. Pp. 5–24. In Russian.

Osetrova E. V. (2015) Slukhi v paradigme lingvističeskoy genristiki [Rumors in the paradigm of linguistic genre studies]. *Zhanry rechi* [Genres of speech]. 2015. No. 2. Pp. 8089. In Russian.

Pudikov I. V. (2017) Fantomnye perezhivaniya u materey pogibshikh voennosluzhashchikh [Phantom experiences of the mothers of dead soldiers]. In: *Illyuzornyye miry i mediūmicheskie praktiki v prostranstve kul'tury* [Imaginary universes and mediumistic practices in the space of culture]. Moscow. Pp. 159–163. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/2017_ImaginaryUniverses_

[es_Proceedings_th.pdf](#) (retrieved: 12.03.2018). In Russian.

Radenkovich L. (2004) Nazvaniya demonov, vedushchie proiskhozhdenie ot detey, umershikh do kreshcheniya u slavyan [Slavic names of demons originated from children who died before baptizing]. *Balkanica*. Vol. XXXIV. Belgrade. Pp. 203–221. In Russian.

Ransel D. (1996) «Starye mladentsy» v russkoi derevne [“Old babies” in Russian village]. In: *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.)* [Mentality and agrarian development of Russia (the 19th — the 20th centuries)]. Moscow. Pp. 106–114. In Russian.

Samoylova E. (2017) Ogorod — memorial'nyi kompleks: kommemorativnyi aspekt zhenskikh zemledel'cheskikh praktik kontsa XIX — nachala XXI veka [Backyard as a memorial complex: obit aspect of female agricultural practices of the late 19th — the early 21st centuries]. In: *Chelovek i sobytie v istoricheskoi pamiati* [Human and event in historical memory]. Syktyvkar. Pp. 221–234. In Russian.

Svidnitsky A. P. (1861) Velikden' u podolyan [Easter among the Podolyans]. *Osnova. Yuzhno-russkiy literaturno-uchenyy vestnik* [Bases. South Russian literary and scholarly bulletin]. 1861. No. 11–12. Pp. 26–71. In Russian.

Tolstaya S. M., Tolstaya M. N. (2003). Pogrebeniya v sadu u «goryunov» Sumskoy oblasti [Burials in the garden of the “Goryns” in Sumsky Region]. *Zhivaya starina* [Alive antiquity]. 2003. No. 2. Pp. 10–13. In Russian.

Vinogradova L. N., Levkievskaya E. E. (comps.) (2012) *Narodnaya demonologiya Poles'ya. T. 2: Demonologizatsiya umershikh lyudey* [Folk demonology of Polesie. Vol. 2: Demonization of deceased people]. Moscow. In Russian.

Zelenin D. K. (1995) *Izbrannyye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoy smert'yu i rusalki* [Selected articles. Essays on Russian mythology: People who died violent death and mermaids]. Moscow. In Russian.

Zhulanova N. I. (1995). Yurlintsy: russkiy “ostrov” ili kontakt'naya zona? (O muzykal'nom fol'klоре i traditsionnoy kul'ture russkogo naseleniya Komi-Permyatskogo avtonomnogo okruga) [Yurla residents: a Russian “island” or a contact zone? (About musical folklore and traditional culture of the Russian population in Komi-Permyak Autonomous Circuit)]. In: *Russkiy fol'klор v inokul'turnom okruzhenii* [Russian folklore in an alien cultural environment]. Moscow. Pp. 77–88. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Korolyova S. Yu. <https://orcid.org/0000-0003-4246-907X>

E-mail: petel@yandex.ru

Tel.: +7 (342) 239-63-74

15, Bukireva str., Perm, 614990, Russian Federation

PhD (Philology), associate professor of the Department of Russian Literature, Perm State University